

Не охлыбѣтъ единому
вѣдѣтъ живѣтъ
человѣкъ.

Кому Церковь не
мать тотъ
Богъ не отецъ.

ЦЕРКОВНОЕ БРАТСТВО

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СПАСА

СВЯТЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВОЛОГОДСКИЙ ЧУДОТВОРЪ

СВЯТЫЙ СТЕФАНЪ
ЕПИСКОПЪ ПЕРМСКИЙ

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

№ 114
(Январь).
1909.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

Цѣна отд. № 5 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Мудрость соединена со всеми добродѣтелями, а наипаче съ презрѣніемъ богатства.—Замѣтки мірянина.—Бесѣда о томъ, откуда пошла наука и вѣруютъ ли въ Бога люди ученые. *Никона Еписк. Вологодск. и Тотемск.*—Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. († 20 дек. 1908 г.).—Одинъ изъ тѣхъ немногихъ кого весь міръ недостоинъ. Блаженный Хріста ради юродивый священникъ отецъ Теофилактъ Авдѣевъ. *Сергья Нилуса.*

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

МУДРОСТЬ СОЕДИНЕНА СО ВСЬМИ ДОБРОДѢТЕЛЯМИ, А НАИПАЧЕ СЪ ПРЕЗРѢНІЕМЪ БОГАТСТВА.

Мудрость дѣйствуетъ во всемъ, и имѣетъ сообщеніе со всѣми благами. Ибо какъ можетъ дати полезный совѣтъ, кто не исполненъ правды, кто не облекается въ постоянство, страшится смерти, отвлекается страхомъ, удаляется отъ истины ласкательствомъ, убѣгаетъ ссылки, боится нищеты, не помышляетъ, что мудрому цѣлый свѣтъ бываетъ отечествомъ, что онъ не имѣетъ никакого недостатка, и весь міръ служитъ ему богатствомъ? Кто превосходитъ мужа, не трогающагося златомъ, пренебрегающаго деньги и какъ бы изъ нѣкоей крѣпости съ презрѣніемъ взирающаго на вождельнія человѣческія? Кто сіе исполняетъ, того люди почитаютъ высшимъ чело-вѣка: „кто есть сей“, пишется, „и ублажимъ его? сотвори бо дивная въ людехъ своихъ“ (Сирах. XXXI. 9). И какъ не достоинъ тотъ удивленія, кто презираетъ богатство, которое многіе предпочли собственному здравію. Итакъ всякому подобаетъ хранить умѣренность и воздержаніе, а наипаче кто честію превосходитъ другихъ, дабы знаменитый мужъ не былъ обладаемъ сокровищами своими, и начальствующій надъ свободными не служилъ деньгамъ. То особенно прилично ему, дабы онъ былъ высшій сокровяща своего духомъ, и низшій друга послушаніемъ: ибо униженіе себя умножаетъ любовь. Начальнику похвально есть не имѣти корыстолюбія, не поставляти всякое благо въ деньгахъ, и наемнически не исчисляти повседневные доходы.

(Изъ твореній св. Амвросія Медиоланскаго).

ЗАМѢТКИ МІРЯНИНА.

Богатые въ семъ мірѣ люди, желая отблагодарить своихъ благодѣтелей и друзей за какое-либо оказанное благодѣяніе, приносятъ имъ цѣнные и хорошіе подарки: убогіе же и нищіе, хотя и чувствуютъ въ своемъ сердцѣ оказываемыя имъ благодѣянія, но воздать за нихъ чѣмъ либо по достоинству не могутъ, на-

противъ сами всегда имѣютъ нужду въ новыхъ благодѣяніяхъ.

Сии послѣдніе хорошо изображаютъ наше душевное состояніе, по отношенію къ Богу.

Сколько мы получили отъ Господа Бога благъ великихъ и драгоцѣнныхъ: дарована намъ Творцомъ жизнь, почтены мы свободою волею и разумомъ, даны намъ всѣ средства къ существованію, искуплены грѣхи наши безцѣнною кровію Спасителя нашего, дарована намъ благодать спасительная, очищающая грѣховныя сердца наши, обѣтовано намъ царствіе небесное и неизреченныя блага, *„ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не въздоша“*, и многое множество другихъ благъ, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ даровано намъ Создателемъ нашимъ, которымъ мѣры, величія и цѣны нѣтъ.

За всѣ эти блага, чѣмъ можемъ отблагодарить своего Благодѣтеля, что принесемъ Ему въ угодный и пріятный даръ?...

Ничего добраго не можемъ мы принести въ даръ Владыкѣ своему—ибо нищи и убоги есмы душею, да что и мнимся имѣти, такъ все Его есть, одно только развѣ и можемъ мы принести Ему въ даръ, это — сердце сокрушенное о своихъ грѣхахъ. Великую же нужду въ Его благодатной помощи и утѣшеніи имѣемъ постоянно. И такъ, чтобы не забывалъ насъ Господь, Спаситель нашъ, чтобы паче и паче являлъ намъ милость Свою и спасеніе Свое, будемъ приносить Ему въ умилоствленіе—сердце сокрушенное и смиренное, и сохранять въ себѣ память о Его великихъ благодѣяніяхъ къ намъ!...

Бесѣда о томъ, откуда пошла наука и вѣрують ли въ Бога люди ученые.

(Окончаніе).

Нынѣ говорятъ, что Библія—не откровеніе, что сверхъестественное, чудесное выдуманно неучами и фантазерами. Но противъ этого возвышаютъ свой авторитетный голосъ многочисленныя великіе естествоиспытатели, которыхъ ужъ никакъ нельзя назвать „фантазерами и неучами“. Напримѣръ, химикъ и основатель химической геологіи *Г. Бишофъ* говоритъ: „Не изъ строгаго изслѣдванія, не путемъ наблюденія и опыта почерпалъ знаніе безсмертный писатель книги Бытія: другимъ источникомъ познанія, вдохновеніемъ Божиимъ, приведенъ былъ онъ къ истинѣ. Истина же во всѣ времена будетъ пребывать истиною“.

Физикъ *Бьетъ* говоритъ: „Или Моисей имѣлъ въ наукахъ столь же глубокий опытъ, какъ и люди нашего вѣка, или былъ вдохновенъ“.

К. Е. фонъ Бэръ, отецъ современной теоріи развитія, называлъ нападенія на Библию „комическими анахронизмами, такъ какъ новѣйшая естественная наука уже давнымъ давно управилась съ ними“; въ другомъ мѣстѣ тотъ же великій изслѣдователь объясняетъ: „Если кто хочетъ брать писанія Моисея не въ строго-буквальномъ смыслѣ, а только по существу, то надобно согласиться, что изъ древняго времени не дошло до насъ ничего болѣе возвышеннаго и не можетъ быть дано“.

Знаменитый *Гельмгольцъ* тоже высказываетъ свое удивленіе тому, что Библия такъ поразительно согласуется съ новѣйшими результатами изслѣдованій природы.

Хрістіанъ Фр. Шенбейнъ, извѣстный химикъ, выражается такъ: „Безумные говорятъ въ своемъ сердцѣ: „нѣтъ Бога“; это сужденіе о современномъ міросозерцаніи было высказано уже нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ и болѣе краткаго и вѣрнаго отзыва о невѣрахъ нельзя дать и нынѣ, спустя тысячи лѣтъ“.

Извѣстный астрономъ *Мэдлеръ* объясняетъ: „истинный естествоиспытатель не можетъ быть богоотступникомъ. Кто такъ же, какъ мы, глубоко заглядывалъ въ мастерскую Бога и столь же много имѣлъ случаевъ удивляться Его всевѣднію и вѣчному порядку, тотъ долженъ смиренно преклонить свои колѣна предъ промысломъ Святаго Бога“.

Ботаникъ *О. Гееръ* говоритъ: „полузнаніе отвращаетъ отъ Бога, а основательное знаніе приводитъ къ Богу“.

Зоологъ *Агассизъ* признаетъ, „что изъ ученыхъ занятій природою каждый долженъ выработать себѣ то убѣжденіе, что все устроено Превышнимъ Духомъ и все исходитъ отъ Превышняго Духа, Который владычествуетъ надъ всѣми настоящими, прошедшими и будущими отношеніями пространства и времени“.

Лордъ Кельвинъ (В. Томсонъ), одинъ изъ величайшихъ физиковъ, недавно скончавшійся, говоритъ: „поразительно сильныя доказательства мудрой и благостно-управляющей цѣлесообразности окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ: она показываетъ намъ въ природѣ вліяніе свободной воли и поучаетъ насъ, что всѣ живыя существа зависятъ отъ непрестанно дѣйствующаго Творца и Законодателя“.

Физикъ *Эриштедтъ* говоритъ: „дѣйствіе хрістіанства на міръ служитъ величайшимъ доказательствомъ его божественной силы“.

Особенно поучительны для насъ признанія ученыхъ людей предъ ихъ кончиною. Французскій ученый историкъ *Гизо* на первой страницѣ своего завѣщанія писалъ: „Я разсуждалъ, я

сомнѣвался, я полагалъ, что достаточно силы человѣческаго ума для рѣшенія задачъ, представляемыхъ вселенною и человѣкомъ. Но послѣ долгихъ лѣтъ, многихъ трудовъ и продолжительныхъ размышлений, я пришелъ къ убѣжденію, въ которомъ и остаюсь доселѣ, что ни человѣка, ни всей вселенной недостаточно для того, чтобы постигнуть это. Я глубоко вѣрую, что Богъ, сотворившій человѣка и вселенную, править ими. Я снова восчувствовалъ, что я ребенокъ въ рукахъ Господа. Вѣрую въ Бога и поклоняюсь Ему, не пытаюсь постигнуть Его. Вижу Его присутствіе и дѣйствіе не только въ постоянномъ правленіи вселенною и въ сокровенной жизни души человѣческой, но въ бытописаніи человѣческихъ обществъ, наиболѣе же въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣхъ. Я преклоняюсь предъ тайнами Библии и Евангелія“.

Подобнымъ образомъ писалъ нѣмецкій поэтъ *Гейне*, не долго до смерти: „Вотъ уже четыре года, какъ я сложилъ съ себя высокоуміе философа и снова обратился къ религиознымъ идеямъ; я умираю съ вѣрою въ единого Бога, Создателя всего сущаго, молю Его милосердія помиловать мою безсмертную душу. Я раскаиваюсь въ томъ, что говорилъ иногда безъ уваженія въ сочиненіяхъ моихъ о священныхъ предметахъ: но я былъ побужденъ къ тому скорѣе духомъ времени, чѣмъ моимъ внутреннимъ стремленіемъ. Если я оскорбилъ когда по невѣдѣшю чистоту общественныхъ нравовъ, которая составляетъ истинную силу всякаго вѣрованія, Господи, молю Тебя и прошу людей простить меня!“

Вотъ искреннее признаніе честнаго писателя! Опъ откровенно кается, что служилъ иногда духу времени, что писалъ иногда не ‘по совѣсти, а въ угоду безбожной модѣ своихъ читателей... О, если бы одумались и наши русскіе прислужники духу времени, если бы также искренно покаялись, что пишутъ не по убѣжденію, а просто потому, что стыдятся исповѣдать свою вѣру во Христа! Увы! Они скорѣе будутъ вѣрить нелѣпости, суевѣрію, скорѣе пойдутъ къ колдуну-спириту или какому-нибудь оккультисту, чѣмъ въ простотѣ сердца сознаются въ томъ, что вѣра въ чудесное, въ сверхъестественное таится въ глубинѣ ихъ души. Справедливо нашъ незабвенный *Гоголь* писалъ: „поди ты, сладь съ человѣкомъ: не вѣрить въ Бога, а вѣрить, что если почешется переносье, то непременно умереть!.. Чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе вижу, говоритъ онъ, что въ нынѣшнее время шатаній ни на часъ, ни ма минуту не должно отлучаться отъ Того, Кто одинъ ясенъ, какъ свѣтъ. Время опасно. Всѣ шаги наши опасны“.

„Нужно быть завязтымъ идиотомъ, писалъ *Ө. Э. Ромеръ*, чтобы

съ такимъ хрупкимъ и ничтожнымъ орудіемъ, какъ разумъ, начинать борьбу противъ вѣры“.

Профессоръ философіи *В. С. Соловьевъ* писалъ: „пора намъ освободиться отъ той житейской дряни, которая наполняетъ наше сердце, и отъ той мнимонаучной школьной дряни, которая наполняетъ нашу голову“.

Извѣстный писатель-критикъ *Бѣлинскій* говоритъ: „есть книга, въ которой все сказано, все рѣшено, послѣ которой ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, книга безсмертная, святая, книга вѣчной истины, вѣчной жизни... Евангеліе. Весь прогрессъ человѣчества, всѣ успѣхи въ наукахъ, въ философіи заключаются только въ большемъ проникновеніи въ таинственную глубину этой божественной книги, въ сознаніи ея живыхъ, вѣчно непреходящихъ глаголовъ“.

Другой писатель русскій, котораго также считаютъ вольнодумцемъ, *А. Герценъ*, пишетъ о Евангеліи такъ: „Евангеліе я читалъ много и съ любовью. Я читалъ безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искреннее и глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости моей я часто увлекался вольтеріанствомъ (вольнодумствомъ), любилъ иронію и насмѣшку, но не помню, чтобы когда-нибудь я взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ; это меня проводило чрезъ всю жизнь; во всѣ возрасты, при разныхъ событіяхъ, я возвращался къ чтенію Евангелія, и всякій разъ его содержаніе низводило миръ и кротость въ душу“.

Викторъ Гюго закончилъ свое духовное совѣщаніе словами: „въ Бога вѣрую“.

Но довольно! Кромѣ упоминаемыхъ здѣсь славныхъ представителей науки и гениальныхъ мыслителей, на которыхъ открыто клеветаютъ наши безбожники, будто они не вѣровали въ Бога, глубокою вѣрою были проникнуты и многіе другіе ученые мужи, имена которыхъ ярко сіяютъ въ исторіи наукъ, какъ на примѣръ: *А. Гумбольтъ*, *Блезъ Паскаль*, *Декартъ*, *Карлейль*, *Бойль*, *Майеръ*, *Клеркъ*, *Д'Аламберъ*, *Бюффонъ*, *Галилей*, *Дальтонъ*, *Боссюэтъ*, *Кювье*, *Лафатеръ*, *Парацельсъ*, *Бремъ*, *Лордъ Райлейгъ*, *Берклей*, *Цолльнеръ*, *Жофруа Сентъ-Илеръ*, *Бутлери*, *Сталь*, *Реймарусъ*, *Бонне*, *К. Риттеръ*, *Гаусъ*, *Уоллесъ*, *Ульрици*, *Тайлоръ*, *Хиллисъ*, *Джонъ Фиксъ*, *Рейнке*, *Карлъ Фохтъ*, *Деннертъ*, *Малебраншъ*, *Гейлинксъ*, *Арнольдъ*, *Спиноза*, *Дэви*, *Романесъ*, *Д. Максвелъ*, *А. Вигантъ*, *Ч. Беллъ*, *Джемсъ Симпсонъ*, *Юсифъ Гиртль*, *Шубертъ*, *Омъ*, *Ватсонъ*. Къ этому перечню можно прибавить цѣлый списокъ русскихъ писателей, ученыхъ, поэтовъ, мыслителей: *Ломоносовъ*, *Державинъ*, *Карамзинъ*, *Дмитріевъ*, *Жуковскій*, *Пушкичъ*, *Глинка*, *Плетневъ*, *Языковъ*, *Достоевскій*. Хо-

мяковъ, братья Кирѣевскіе, Аксаковы, Алексѣй Толстой, отецъ и сынъ Соловьевы, Костомаровъ, Пироговъ, Захарьинъ, Боткинъ, князь Вяземскій, графъ Валуевъ, Побѣдоносцевъ, Погодинъ, Рачинскій, Максимовичъ, Властовъ, Кольцовъ, Лѣсковъ, Катковъ, Аполлонъ Григорьевъ, Гиляровъ, Филипповъ, Леонтьевъ, Страховъ, В. В. Болотовъ, Гроты—отецъ и сынъ, и писательницы: Зонтагъ, Ишимова, Жадовская, Кохановская, Иксуль и др.

Какъ жалки, какъ фальшивы и лживы громкія фразы современныхъ безбожниковъ, схватившихъ только верхушки настоящей науки,—предъ этими тихими рѣчами великихъ ученыхъ, смиренно преклоняющихъ колѣна предъ Всевышнимъ Существомъ! Какъ бы пріятно ни звучали льстивыя рѣчи нашихъ обманщиковъ, лживо именующихъ себя „освободителями“,—безъ вѣры, безъ Бога, безъ вѣчности души они не въ силахъ покорить себѣ человѣческое сердце, которое тоскуетъ по Богѣ, влечется къ Нему, какъ полевой цвѣтокъ къ солнцу. Справедливо говоритъ *блаженный Августинъ*: „наше сердце дотолѣ не успокоится, пока не обрѣтетъ Бога“. Эту же мысль высказалъ и поэтъ *Гете*: „человѣкъ можетъ себя называть атеистомъ, но онъ не въ состояніи заглушить въ себѣ томленіе по Богѣ, которое не даетъ покоя его душѣ“. Вотъ поразительный фактъ, это доказывающій: кто былъ ученый *Летре?* Это былъ знаменитый основатель современнаго атеизма. Но на смертномъ одрѣ и онъ пожелалъ креститься!.. Потому, напрасно трудятся вожди социализма, всѣ эти Бебели, Марксы, Энгельсы, рисуя чудными красками свой рай на землѣ: ихъ рѣчи безсильны пересоздать природу человѣческую, безсильны дать счастье человечеству, такъ какъ они отнимаютъ у человѣка самое святое и дорогое—вѣру въ Бога и вѣчность нашей души. А безъ этого человѣку остается одно изъ двухъ, или мрачное отчаяніе, въ сознаніи, что жизнь не имѣетъ смысла, или же безшабашный разгулъ дикихъ страстей: будемъ ѣсть и пить, и развратничать, ибо завтра умремъ и ничего отъ насъ не останется! Вотъ къ чему ведутъ безбожныя ученія современныхъ безсовѣстныхъ проповѣдниковъ социализма и атеизма. Они горько смѣются надъ своими послѣдователями, превращая въ концѣ концовъ свой земной рай въ безумную, безобразную пляску мертвецовъ! Справедливо говоритъ *Бэконъ*: „никто не отрицаетъ бытія Бога, кромѣ того, кому выгодно, чтобы не было Бога“. А это выгодно тому, кто хотѣлъ бы весь міръ превратить въ стадо безсловесныхъ животныхъ, чтобы повелѣвать ими, какъ скотомъ. А это выгодно іудеямъ, которые стремятся къ всемірному владычеству вмѣстѣ съ масонами. Это выгодно тѣмъ: которые хотятъ, чтобы скорѣе наступило царство антихриста. Этого требуетъ ихъ развращенное сердце. Вѣдь

давно сказано въ Священномъ Писаніи, что только развращенный безумецъ говоритъ въ *сердцѣ* своемъ: нѣтъ Богъ. Когда сердце порабошено пороку, то въ немъ дѣйствительно нѣтъ мѣста для Бога. Бога нѣтъ, а сердце человѣческое, какъ и все въ природѣ, пустоты не терпитъ. И вотъ приходитъ сатана, и поселяется въ немъ, и обитаетъ и властвуетъ, какъ хозяинъ. Сатана и заставляетъ умъ несчастнаго грѣшника говорить и бесплодно, безнадежно доказывать, будто нѣтъ Бога. Вотъ, въ чемъ главный источникъ современнаго невѣрія. Человѣкъ живетъ не умомъ, а сердцемъ: въ сердцѣ, по слову Писанія, исходища живота, отъ сердца, а не отъ разсудка, говоритъ Господь нашъ, исходятъ помышленія какъ добрыя, такъ и злыя; самая вѣра, по своей сущности, принадлежитъ не уму, а сердцу. Да и вообще умъ—на послугахъ у нашего сердца. Что любимъ, о томъ и думаемъ, къ тому и стремимся всѣми силами нашей души ¹⁾.

И замѣчательно: когда наше сердце даетъ полную свободу нашему уму въ исканіи имъ истины, то есть, когда страсти не препятствуютъ уму стремиться къ истинѣ, то онъ естественно устремляется къ Источнику Истины, къ Богу. Говорятъ: умъ—царь въ головѣ. Да, царь, но, къ сожалѣнію, этотъ царь почти всегда находится въ плѣну у сердца. И самая опасная страсть, овладѣвающая умомъ человѣка—это самолюбіе, эгоизмъ. Эта страсть властно повелѣваетъ умомъ и способна рѣшительно его ослѣпить. Это долженъ всегда помнить всякій честный служитель науки, если только онъ хочетъ познать истину, познать Бога.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда религиозныя сомнѣнія бываютъ искренни, на примѣръ—въ молодыхъ пытливыхъ умахъ, когда юношу мучать вопросы: что, какъ и почему?—даже и тогда вопросы эти рѣшаются, большею частію, въ томъ направленіи, куда ихъ склонитъ сердце. Сердце доброе, испытавшее сладость вѣры въ дѣтствѣ, сердце чистое, непорочное, ищущее истины, стремящееся къ доброму и прекрасному, чтобы найти себѣ опору въ этихъ стремленіяхъ, въ этихъ свѣтлыхъ и чистыхъ поискахъ, прикажетъ уму искать Бога и въ природѣ, и въ наукѣ, и въ самонаблюденіи. А сердце грѣхолюбивое, грѣху работающее, обрадуется вливаемому въ него сомнѣнію и будетъ требовать отъ ума доказательствъ того, что нѣтъ Бога. Такому грѣшнику хотѣлось бы избавиться разъ навсегда отъ докучливой совѣсти, которая, какъ неумолимый судія, какъ голосъ Божій въ душѣ, требуетъ оправданія всѣхъ нашихъ поступковъ, особенно

1) См. Мѡ. 12, 34; 15, 18. Пс. 5, 10, 39, 9; 139, 3. Евр. 13, 8. Рим. 10, 9; Притч. 14, 10; 21, 29, 4, 23; 10, 8.

несогласныхъ съ нравственнымъ закономъ, въ насъ Богомъ вложеннымъ. И вотъ, искушитель-сатана подсказываетъ ему: „всѣ нравственныя требованія—одинъ вздоръ, предразсудокъ: нѣтъ ни Бога, ни вѣчной жизни, все это выдумки поповъ да властей... Наука-де говоритъ то и то, все-де само собою произошло, бояться-де нечего, живи, какъ хочется, дѣлай что тебѣ нравится.“ А чтобы предъ всѣми казалось, что человѣкъ имѣетъ право жить по-скотски, приводятся доказательства, будто человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, что онъ такой же скотъ, какъ и всѣ скоты... Но вотъ въ томъ-то и дѣло, что ни одно безсловесное животное и не думаетъ доказывать, что оно *имѣетъ право* жить по-скотски: живетъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, а человѣкъ старается доказать свое *право* жить по-скотски, и тѣмъ самымъ выдаетъ себя, что онъ не скотъ, а человѣкъ, разумное Божье созданіе, что въ немъ, въ душѣ его заложено неистребимое требованіе нравственнаго закона, можетъ быть затемненныя грѣхомъ, но все же живущія въ душѣ, понятія долга, чести, права, добра и зла... Словомъ, въ немъ все еще живы остатки образа Божія, чего нѣтъ ни въ одномъ животномъ. Животное не думаетъ ни о правѣ, ни о томъ, что скажутъ о немъ другія Божьи созданія. Это свойственно только человѣку. Такимъ образомъ, человѣкъ, доказывая, что нѣтъ Бога, что самъ онъ только обезьяна, тѣмъ самымъ обличаетъ себя и доказываетъ, что онъ именно—человѣкъ. И какъ бы онъ ни усиливался успокоить свою бѣдную страдальцу-совѣсть, что ему *все* позволено—никогда онъ этого не достигнетъ. Недаромъ же совѣсть такъ страшно иногда казнить несчастныхъ своихъ противниковъ, что они кончаютъ самоубійствомъ. Нѣсть радоваться нечестивому! глаголетъ Писаніе. Кто не хочетъ слушаться своей совѣсти, кто слушается только своего порочнаго сердца, тому не видать мира и радости ни въ сей жизни, ни въ грядущей вѣчности! Покойный генераль-мыслитель *М. И. Драгомировъ* говорилъ: „только религія порождаетъ состояніе души, дающее счастье“.

Великая вещь человѣкъ! восклицаетъ ветхозавѣтный мудрецъ. Дѣйствительно: сердце человѣка способно вмѣщать въ себя и небеса небесъ и самую преисподнія глубины адавы. Человѣкъ способенъ благоговѣнно созерцать глубины тайнъ Божіихъ, его смиренному сердцу открываемыхъ; способенъ и обманывать себя ложью отца лжи до того, что будетъ отстаивать эту ложь, какъ собственное убѣжденіе, какъ святую истину. Вдумываясь въ духовную сущность того явленія, которое называется „научнымъ невѣріемъ“, мы, къ удивленію, не можемъ не отмѣтить въ немъ тѣхъ же признаковъ, какіе наблюдались нами—увы—въ самыхъ уродливыхъ формахъ въ послѣднее время въ такъ называемомъ

„освободительномъ движеніи“. Тотъ же подмѣнъ понятій, тѣ же ссылки, якобы на данныя науки, то же злоупотребленіе авторитетами науки, то же насиліе надъ здравымъ смысломъ и свободой убѣжденій въ противникахъ. Только все это не столь рѣзко, не такъ уродливо... Невольно является подозрѣніе, да не одно ли и то же эти два явленія, или, покрайней мѣрѣ—не состоитъ ли на посылкахъ „научное невѣріе“ у „освободительнаго движенія?“ Пусть оно явилось самостоятельно, просто какъ порожденіе порочнаго сердца, но теперь, въ наши злые дни, несомнѣнно, что „освободители“—поработители имъ пользуются очень широко. Стоитъ только указать на массу популярныхъ изданій въ формѣ листовъ, брошюръ и даже книгъ для народа, въ которыхъ пропагандируются, якобы послѣднія слова научныхъ изслѣдованій. У насъ, даже у насъ, въ Вологодской губерніи, среди деревенскаго люда, появился Ренанъ въ карманномъ форматѣ. Что ужъ говорить о столицахъ, о городахъ, гдѣ массы фабричнаго люда!.. Да, враги Церкви, враги вѣры работаютъ во всю: кто же имъ дастъ могучій отпоръ? Послѣ пастырей Церкви—конечно истинные представители научнаго знанія. Пусть они при свѣтѣ истинной науки придутъ къ искреннему убѣжденію, что безъ вѣры въ Бога нѣтъ счастья на землѣ, что вѣра—даръ Божій. Да будетъ же духъ нашъ всегда обращенъ къ Богу, какъ подсолнечникъ къ солнцу! Будемъ возгрѣвать ее исполненіемъ воли Божіей въ дѣланіи заповѣдей Господнихъ: и тогда никакія лжеученія, никакія сомнѣнія не поколеблѣютъ ее въ нашемъ сердцѣ, ибо только безъ дѣла вѣра мертва есть, а вѣра дѣятельная сама даетъ въ сердцѣ твердый залогъ своей истины, сама свидѣтельствуетъ о себѣ нашему разуму, какъ живое ощущеніе нашего общенія съ Богомъ. Господь далъ животворящую силу Своимъ заповѣдямъ и кто исполняетъ ихъ, въ томъ животворится и его вѣра. Въ душѣ того, кто живетъ согласно волѣ Господней, кто слушается своей совѣсти, непрестанно слышится древнее пророческое слово: *утѣшитесь малодушнїи умою, укрѣпитесь, не бойтесь,—се Богъ нашъ: Онъ спасетъ насъ!* (Ис. 35, 4). И еще слышнѣе, еще животворнѣе звучатъ сладостныя словеса Сладчайшаго Господа нашего Иисуса Христа: *да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте!* (Іоан. 14, 1).

Никонъ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Отець Іоаннъ Кронштадскій.

(† 20 Декабря 1908).

Плачь, православная Россія, твоего великаго молитвенника не стало!

Кто не знаетъ о. Іоанна Кронштадскаго? Или кто не слыхаль его хотя по имени?

Намъ, вологжанамъ, особенно знакомо славное имя о. Іоанна. Мы сосѣди съ его родной Архангельской губерніей. Часто мимо-

насъ проѣзжалъ дивный пастырь на свою родину, которой не переставалъ благодѣтельствовать до смерти. Въ каждый проѣздъ онъ служилъ Божественную литургію въ нашемъ городѣ, большею частію въ Спасскомъ соборѣ. Въ послѣдній разъ служилъ онъ у Казанской. Что это была за служба! Святыя минуты эти можно только непосредственно переживать. Они не поддаются изображенію.

Раннимъ утромъ, бывало, ни кѣмъ невѣдомый, встанетъ о. Іоаннъ и пойдетъ въ ближайшую церковь къ заутренѣ... Стоитъ на клиросѣ и читаетъ... Онъ любилъ читать утренній канонъ. И что это было за чтеніе! Какое религиозное одушевленіе выражалось въ его голосѣ! Какая глубокая вѣра! А литургія... Лицо пастыря—совершителя сіяло какимъ-то неземнымъ свѣтомъ. Какая-то небесная радость отражалась въ его взорѣ. Онъ весь былъ вѣра, надежда, любовь!..

Помнимъ мы толпы народныя, рядами стоявшія по улицамъ, чтобы хотя посмотрѣть на этого земного Ангела. Какое счастье выпадало на долю тѣхъ священнослужителей, которые имѣли возможность сослужить съ нимъ! Какое счастье для мірянъ—получить егѡ пастырское благословеніе! Да, это былъ дивный молитвенникъ, имѣвшій чудный молитвенный даръ отъ Бога.

Молитва его была чудодѣйственна. Сколько чудесныхъ знаменій связано съ ней!

Намъ приходилось наблюдать такую картину.

Сидитъ о. Іоаннъ въ домѣ одного уважаемаго вологодскаго о. иротоіерея. Приходитъ сѣдовласый священникъ. Не говоря ни слова, онъ подошелъ къ о. Іоанну и обливаясь слезами упалъ ему въ ноги. Поднявшись, старецъ кратко разсказалъ о своей смертельной болѣзни, когда для него не было уже надежды на помощь человѣческую. Родные телеграфировали о. Іоанну. На другой-же день больной началъ выздоравливать.

Услышавъ этотъ разсказъ, о. Іоаннъ ласково подошелъ къ старцу, обнялъ и поцѣловалъ его, чѣмъ доставилъ ему еще большую отраду.

Однажды заболѣлъ мой товарищъ—землякъ о. Іоанна—нервнымъ расстройствомъ. Человѣкъ онъ былъ бѣдный, безродный, происходилъ изъ крестьянъ. Что было дѣлать? Стукнулись въ одну, другую больницу для душевно-больныхъ, но тщетно. То просили высокую плату, то отказывали за неимѣніемъ вакансій. Въ то время о. Іоаннъ былъ въ своемъ родномъ городѣ. Я написалъ ему нѣсколько строкъ о безпомощномъ состояніи товарища, прося его благодатной помощи. Лично увидать не представлялось возможности. Онъ въ тотъ-же день уѣзжалъ и постоянно былъ занятъ. Письмо для передачи вручено было од-

ному купцу, въ домѣ котораго обѣщалъ быть о. Іоаннъ. Прочитавъ письмо, о. Іоаннъ вручаетъ подателю 100 рублей. „Вотъ это—на лекарство“. А самъ, я вѣрю, онъ молился, ибо съ того времени болѣзнь товарища стала проходить сама собою.

Это тѣмъ болѣе знаменательно, что больной причиною своего несчастія считалъ свое ослушаніе о. Іоанна. Въ минуты своего просвѣта онъ рассказывалъ о себѣ слѣдующее.

„Когда я кончилъ СПБ. академію, то, въ качествѣ земляка, пришелъ къ о. Іоанну проститься съ нимъ, предъ отправленіемъ на родину. Движимый какой то внутренней силой, я спросилъ о. Іоанна, какую избрать мнѣ дорогу жизни? Послѣдній задумался, посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „иди во священники! Видишь, какой ты тшедушный. Изъ тебя добраго учителя не выйдетъ“.— Но я не внялъ этому ангельскому голосу, сталъ учителемъ. Вотъ за что я наказанъ“, заканчивалъ свою повѣсть болящій.

Выздоровѣвъ, этотъ товарищъ принялъ священный санъ, а теперь благополучно протоіерействуетъ.

Хочется напомнить еще одинъ знаменательный случай.

Когда смертельно заболѣлъ Царь-миротворецъ Александръ III, онъ пожелалъ для благодатнаго облегченія своей болѣзни вызвать къ себѣ въ Ливадію о. Іоанна. Трогательная картина—умирающій Царь и колѣнопреклоненный молящійся у ногъ его пастырь! О. Іоаннъ иногда полагалъ свою руку молитвенно на главу Монарха. „Не тяжело-ли Вамъ, Ваше Императорское Величество, отъ моей руки“, спрашиваетъ онъ у умирающаго.— „Нѣтъ, когда Вы положите руку мнѣ на голову, то мнѣ дѣлается легче“—отвѣчаетъ болящій... Расскажу, какъ однажды посчастливилось мнѣ близко наблюдать его—быть съ нимъ въ одномъ домѣ. Отслуживъ литургію въ Спасскомъ соборѣ, о. Іоаннъ, согласно данному обѣщанію, заѣхалъ къ К. Заранѣ уже было извѣстно, что о. Іоаннъ будетъ тамъ. Прохожу, тамъ сидитъ уже губернаторъ также въ ожиданіи о. Іоанна. Прошло съ полъ-часа. Вдругъ моментально появляется о. Іоаннъ. Радостный, сіяющій сѣлъ онъ за чайный столъ. Я весь превратился во вниманіе: не могу оторвать взора... Стоялъ я издали предъ о. Іоанномъ, стоялъ изъ почтенія, ибо считалъ себя недостойнымъ сидѣть гдѣ либо возлѣ него. Но вотъ обращенъ былъ ко мнѣ ласковый голосъ: „что вы, садитесь, батюшка!“ Я повиновался. Смотрю не отрываюсь. Лицо о. Іоанна постоянно мѣняется. То дѣлается суровымъ и строгимъ, то озаряется ангельской улыбкой. Нѣсколько глотковъ выпилъ онъ чаю. Подзываетъ къ себѣ хозяйскаго мальчика, наливаетъ ему на блюде чаю и предлагаетъ пить. А самъ всматривается въ него глубокимъ пристальнымъ взглядомъ... „Что, хороши чай? Вкусный чай?“...

Всталъ о. Іоаннъ изъ за стола. Въ домъ собралось много народу. Батюшка сталъ подходить къ толпѣ. Произошла трогательная сцена. Привели слѣпую старушку. Та со слезами просила о. Іоанна: „батюшка, исцѣли меня“. Мгновенно лицо его сдѣлалось строгимъ и суровымъ. „Я не Богъ!“—сказалъ о. Іоаннъ и скоро отошелъ отъ нея.

Онъ также мгновенно промелькнулъ изъ дома, какъ и явился.

Не достанетъ ми повѣствующу о дивныхъ дѣлахъ служителя Божія. Какой это былъ благодѣтель челоувѣчества! Сколько имъ слезъ осушено! Сколько душъ невѣдущихъ обращено на путь свѣта и жизни!.. Не даромъ же каждый разъ время его пребывания въ томъ или другомъ городѣ было столь же радостное, какъ въ свѣтлый день Пасхи. Общій восторгъ! Всеобщая радость!

— „Да, это не сонъ и не сновидѣніе“, припоминаются собственные слова о. Іоанна при освященіи храма на родинѣ, „это—чистая дѣйствительность, какъ дивно явилъ Господь Свои милости на рабѣ Своемъ, сынѣ мѣстнаго дьячка и не перестаетъ являть ихъ ему до нынѣ“..

„Отецъ нашъ, отецъ нашъ“, скажемъ ему словами Елисея пророка къ возносящемуся на небо Іліи Освятианину: „колесница Израиля и конница его!“ Да пребудетъ—на насъ немощныхъ твоихъ сопастыряхъ благодать твоя, хотя не вдвойнѣ—этого мы недостойны—хотя въ десятой или даже сотой долѣ!.. Ты самъ видѣлъ силу прилоговъ вражнихъ. Ты испыталъ на себѣ стрѣлы лукаваго и его клеветовъ—враговъ Креста Христового. Ты вѣдаешь, сколь много надо нынѣ силы духа и мощи, терпѣнія и любви пастырю стада Христового. Ты предстоишь теперь Престолу Всевышняго. Помолись за насъ. Помолись за родную Россію! *Тебѣ-бо дадеся благодать молитися за ны.* Будь новымъ небеснымъ гражданиномъ и ангеломъ—хранителемъ земли Русской!..

* * *

ОДИНЪ ИЗЪ ТѢХЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ, КОГО ВСЕЪ ЖИЗНЬ НЕДОСТОИНЪ.

Блаженный Христа ради юродивый священникъ, отецъ Теофилактъ Авдѣевъ.

(Продолженіе).

V.

Были у насъ въ монастырѣ Тульскія двѣ сестры, по фамиліи—Духонины. Одна сестра была у насъ казначеей и теперь

скончалась, а другая,—монахиня Рафаила, и теперь жива ¹⁾. Вотъ, что рассказывала мнѣ объ о. Теофилактѣ монахиня Рафаила:

„Однажды онъ пришелъ къ намъ въ келью и говоритъ:

— „А я былъ въ Туль!“

Мать казначея, сестра Рафаила, и спрашиваетъ его:

— „Что же вы къ нашему батюшкѣ не зашли?“

— „Куда тутъ, сударыня, къ нимъ?“—отвѣтилъ о. Теофилактъ: „его и самого-то въ домъ не пускаютъ—тамъ стоятъ солдаты съ рочагами, съ баграми!“

— „Что вы такое, батюшка, говорите?“—возразила казначея: „какіе солдаты?“

— „Да, сударыня“, продолжалъ говорить свое о. Теофилактъ: „а домъ-то ихъ каменный; взглянешь,—такъ шапка свалится!“

„Мы съ сестрой“, сказывала мать Рафаила, „ровно ничего не поняли изъ этихъ странныхъ словъ батюшки, тѣмъ болѣе, что у родителя нашего въ Туль домъ былъ деревянный, а не каменный. Что же вышло? Ровно черезъ годъ послѣ этого нашъ Тульскій домъ сгорѣлъ до основанія, а послѣ этого пожара родители наши, дѣйствительно, выстроили себѣ домъ большой каменный.“

О. Теофилакта очень любили мужички и выстроили ему келью въ селѣ Новопанскомъ Михайловскаго уѣзда. Да и въ другихъ мѣстахъ по крестьянамъ у него были подѣланы такія же кельи усердіемъ его простыхъ сердцемъ почитателей. Изъ этихъ келій онъ, послѣ своей смерти, двѣ завѣщалъ въ нашъ монастырь, которому онъ и отданы. Когда онъ жила въ своихъ кельяхъ, то налагалъ на себя большіе труды: постился по цѣлымъ днямъ, ничего не вкушая; часто, съ самага утра, уходилъ въ болото и до поздней ночи собиралъ въ водѣ тростникъ; а въ келью свою возвращался холодный, голодный, весь мокрый... Великій былъ труженикъ!..

Въ нашемъ монастырѣ, въ церкви, на лѣвой сторонѣ, находится его чудотворная икона Божіей Матери „Взысканіе погибшихъ“. Она была написана однимъ живописцемъ по его желанію и указанію. Написана она такъ: въ верху иконы—образъ Богоматери, поддерживаемый двумя Ангелами, а въ низу ея—лики многихъ Святыхъ. Когда икона была написана, о. Теофилактъ зашилъ ее въ холстину, а сверху обшилъ двумя набойками и еще холсти-

¹⁾ Какіе годы разумѣть надо подъ словомъ „теперь“, рукопись, разобранная намъ, отвѣта не даетъ. Надо думать, судя по ветхости тетрадки и по тому, что авторъ воспоминаній описываетъ жизнь о. Теофилакта уже послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1841 году, слово „теперь“ должно обозначать или конецъ сороковыхъ, или пятидесятые годы прошлаго столѣтія. (Прим. составителя).

ной. Во всей этой тройной обшивкѣ онъ прорѣзалъ отверстія для ликовъ и такъ и поставилъ ее въ своей кельѣ. Его всѣ и спрашиваютъ:

— „На что же это вы, батюшка, зашили икону-то холстиной?“

— „Да, это, сударыни, на ней три ризы!“—отвѣтилъ старецъ Божій.

Такъ и стояла она у него въ Новопанской кельѣ зашитой.

Еще при жизни о. Теофилакта, нашъ Михайловскій купецъ, Иванъ Ивановичъ Ложниковъ, былъ какъ-то въ Лебедяни на ярмаркѣ и тамъ разговорился о батюшкѣ съ Тульскимъ купцомъ, Киселевымъ. Въ разговорѣ этомъ онъ и скажи Киселеву, что о. Теофилактъ многихъ исцѣляетъ своими молитвами, а у Киселева жена больна была семь лѣтъ кровотеченіемъ. Запало это слово Киселеву въ сердце и, возвратясь домой, онъ послалъ свою жену, Агрипину Егоровну, къ о. Теофилакту. На ту пору онъ имѣлъ пребываніе въ своей кельѣ въ селѣ Новопанскомъ. Какъ только Киселева вошла къ нему въ келью, о. Теофилактъ поднялся къ ней навстрѣчу и только сказалъ:

— „Помолитесь, сударыня, Царицѣ Небесной и исцѣлѣте!“

Сказалъ эти слова, вышелъ вонъ изъ кельи и куда-то скрылся.

Очень оскорбилась такимъ пріемомъ Киселева, особенно же тѣмъ, что онъ въ келью свою не вернулся, но потомъ одумалась, стала молиться предъ иконой и тутъ же почувствовала себя исцѣлѣвшей. Въ благодарность Божіей Матери за исцѣленіе, Киселева сдѣлала на икону кіотъ и очень хорошую ризу накладного серебра. Только самому о. Теофилакту не пришлось этой ризы видѣть: ее привезли уже послѣ его кончины.

Въ нашъ монастырь икону эту взяли по сонному видѣнію одной благочестивой дѣвицы, въ которомъ самъ о. Теофилактъ, явившись ей, приказалъ это сдѣлать, сказавъ, что отъ этой иконы будутъ совершаться исцѣленія. И точно: чудотвореній отъ нея исчислить невозможно; у меня много писемъ изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ отъ разныхъ лицъ, свидѣтельствующихъ о чудесахъ, дарованныхъ черезъ эту икону Богоматерью.

Послѣ дара Киселевой на чудотворную икону была сдѣлана вторая риза, серебряная, вызолоченная; а недавно на изображеніе Самой Заступницы рода хрістіанскаго пожертвовали ризу, жемчужную. Тогда вспомнили три холстины о. Теофилакта и слова его о трехъ ризахъ, которыя будутъ украшать святую икону. Еще ихъ и не было, а святой прозорливецъ уже видѣлъ ихъ сіяющими богатствомъ и красотою сквозь убогое рубище домотканной холстины. Дивный старецъ!...